

Курьер Петровской Кунсткамеры

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера)

КУРЬЕР ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

Выпуск 10–11

Санкт-Петербург
2004

МАСТЕР И ТРАДИЦИЯ
(К ЮБИЛЕЮ К.В. ЧИСТОВА)

Выдающийся ученый и организатор отечественной гуманитарной науки более чем трех последних десятилетий член-корреспондент профессор К.В. Чистов не был обделен знаками внимания в свои юбилейные торжества в виде памятных статей, адресов и поздравлений как от официальных ведомств и учреждений, так и от многих сотен коллег, друзей и учеников из разных стран нынешнего СНГ и зарубежья. В их совокупности отражены не только заслуги самого юбиляра в различных сферах его жизнедеятельности, но и та продуктивная роль, которую он сыграл в научном процессе как таковом, будь то работа малых и больших коллективов (академический институт, учебное заведение, музей, научный форум и т.д.) или первые шаги входящих в науку. Эта роль, которую большинство из нас обычно оценивает с личной точки зрения на отдельные качества и лидерские способности личности, является показателем общественного авторитета внутреннего мира человека или того, что древние

обозначали понятием «премудрость». Возраст начала обретения премудрости не заказан, но ее достижение и дальнейшее приумножение Библия отсчитывала с пятидесятилетнего рубежа или первого юбилея — священного срока в жизни людей: «Пятидесятый год да будет у вас юбилей <...> священным да будет для вас» [Лев. 25:11—12]. Кирилл Васильевич Чистов прожил уже три священного срока, активность и насыщенность которых вызывают желание осмыслить корни его премудрости.

Мне, как ученице Кирилла Васильевича, почти 40 лет трудящейся рядом с ним, едва ли не главная причина его влия-

К.В. Чистов

ния в научно-образовательной среде видится в понимании им связи «учительство—ученичество» как условия преемственности, накопления и передачи научных знаний и познавательного-исследовательского опыта. Реализация этого условия в большой степени обеспечила Кириллу Васильевичу статус Мастера — одной из ключевых фигур в российской гуманитарной традиции. Размышлениям об истоках и некоторых аспектах ученичества—учительства юбиляра, имеющих глубоко индивидуальные и вместе с тем «народные» — типичные для его поколения вехи и черты, посвящено мое «похвальное слово», основным источником которого являются автобиографические заметки и воспоминания К.В. Чистова (см. Примечания).

Выбор поприща

Семена различных дарований Кирилла Васильевича посеяны в Царском Селе, где он родился в 1919 г. и провел детско-школьные годы. «Царское Село <...> было городом, насыщенным литературными воспоминаниями, что, несомненно, сыграло большую роль в моей судьбе»; «Когда я учился в школе, у меня был одинаковый интерес к литературе и математике. Моя мама (Вера Ивановна. — Т.Б.) была учителем математики, вела кружок, который был известен в Ленинграде». Увлечение математикой говорило о природной пытливости и поисковом складе ума, что мать, очевидно, знала и всемерно поддерживала: «Кирилл, попробуй, реши эту задачу», — подзадоривала она сына, когда тот уже был студентом филфака.

А еще Кирилл Васильевич добрым словом вспоминает свою домашнюю учительницу немецкого языка Эмму Петровну Шмидт, заложившую в него сугубый интерес к великой немецкой культуре, благодаря чему он впоследствии впишет особую страницу в личной и совместной с женой Беллой (германистом) научной биографии. (О душевной и нравственной близости К.В. Чистова и Э.П. Шмидт свидетельствует тот факт, что они вместе переживали приход Гитлера к власти как личную трагедию.)

При склонности и способностях минимум к трем областям знаний Кирилл, будучи старшекласником, окончательно предпочитает литературу: «А случилось это так», — вспоминает он. В 1934 г. Самуил Яковлевич Маршак создал в Ленинграде Детский литературный университет, куда отобрали 30 школьников разного пола и возраста, прошедших литературный конкурс, устроенный газетой «Ленинские искры». В их числе был и Кирилл — юнкор газеты, — получивший третью премию за стихи собственного сочинения. Зачисленные в университет дети отнюдь не представляли собой,

по выражению Кирилла Васильевича, «сборища вундеркиндов», а Маршак не преследовал цели сделать из своего заведения «инкубатор гениев». Ребятам просто посчастливилось: они получили редкий для того времени заряд разностороннего культурного просвещения, продуманно и с любовью организованного образованнейшим человеком и крупным поэтом. В университете велось обучение иностранным языкам (Кирилл был освобожден от него как иногородний), Маршак приглашал для лекций специалистов различного гуманитарного профиля, устраивал встречи со знаменитыми и интересными людьми. Об их диапазоне и уровне говорят имена, наиболее запомнившиеся Кириллу Васильевичу: археолог Б.Б. Пиотровский, рассказывавший о древностях Двуречья, писатель и пушкинист А.Л. Слонимский, исследователь Арктики В.Ю. Визе, архангельский писатель-сказочник Б.В. Шергин, соавтор «Республики Шкид» Л.И. Пантелеев. В каникулы «студентам» устраивались поездки по разным местам Союза.

Но главным предметом в университете, естественно, была литература, и, как утверждает Кирилл Васильевич, «в том, что я решил стать филологом, в первую очередь “виноват” Самуил Яковлевич Маршак». Однако в его «вине» можно, на мой взгляд, выделить три основные тенденции, не только выявившие филологические «нутро» К.В. Чистова, но и положившие начало формированию его интеллектуального кругозора, творческих способностей, «бойцовых» качеств и этических норм.

Во-первых, Маршак стремился сделать из своих питомцев знатоков настоящей литературы и поэзии, прививая им тонкий вкус к последней: «Он открывал нам поэтический мир Батюшкова и Тютчева, Верхарна, Уитмена. В те годы не публиковались стихи Цветаевой, Мандельштама, но Маршак считал необходимым познакомить нас с их творчеством». (Шаг по тем времена весьма рискованный!) Литературно-поэтическая школа Маршака легла в основание огромного пласта жизни Кирилла Васильевича. Если свое юношеское стихотворчество он в зрелые годы сравнивал с заболеванием «рода кори», то впоследствии стихи и литературное творчество как такое стали его «второй натурой» — каналами выражения собственных чувств и удовлетворения культурных потребностей, а также сферой проявления душевных привязанностей и гражданского мужества. Вместе с женой Беллой Ефимовной он жил в атмосфере поэзии и литературы, находясь в дружеских отношениях со многими поэтами и литераторами, в том числе с Б. Окуджавой, Д. Самойловым, Л. Копелевым, Е. Эткингом, Л.Я. Гинзбург и др. Он написал эссе о бардах 60-х годов: Н. Матвеевой, Б. Окуджаве (по известным при-

чинам не увидевшее вовремя свет), собирал записи стихов и песен опальных поэтов: И. Бродского и А. Галича и другие самиздатовские рукописи, несмотря на возможность репрессии в случае обнаружения коллекции. Свои стихи Кирилл Васильевич читал друзьям и на юбилейных вечерах в Доме писателей, членом Союза которых он стал в 1954 г. (издавались лишь отдельные стихи, так как публикация большинства из них была невозможна); здесь же ему поручали организовывать творческие вечера многих известных литераторов, таких, как Л.Я. Гинзбург, В.Г. Адмони, В.В. Бахтин, Д.С. Самойлов и др.

Во-вторых, Маршак учил кружковцев умению слушать (слышать) друг друга, дружелюбно и критически оценивать не только чужие, но и свои сочинения: «На клубных встречах каждый мог почитать свои стихи. Обсуждали их жестко. К этому приучил нас Самуил Яковлевич. Он тоже читал свои новые стихи <...> “Мистера Твистера” переделывал три раза после наших замечаний». Эта наука принесла многие плоды, но главным образом дала импульс к зарождению у Кирилла Чистова, тогда еще им неосознанного, учительских задатков, что позволило ему позже в полной мере воспринять и развить традиции учительской школы М.К. Азадовского.

И, наконец, о третьей вине-заслуге Маршака. В 1936 г. он организовал в университете выступления бывших тогда в Ленинграде крупнейших народных мастеров фольклорной традиции: помора-сказочника М.М. Коргуева, пудожского старинщика и сказочника Ф.А. Конашкова и представителя заонежской династии эпических певцов П.И. Рябинина-Андреева. По признанию Кирилла Васильевича, «три встречи сказались на всей моей жизни <...> я стал фольклористом... И с тех пор ни разу не пожалел об этом».

«В университетских учителях я был необычайно счастлив»

В 1937 г., получив «золотой аттестат», Кирилл поступает на филфак Ленинградского университета для получения фольклористического образования у М.К. Азадовского. Принятому решению способствовали увлекательные рассказы старшего брата Василия, студента филфака и ученика М.К. Азадовского, о фольклорных экспедициях, а также университетские лекции, на которые Кирилл стал «хаживать» в последний школьный год, чтобы убедиться в правильности намеченного выбора.

«Вокруг М.К. Азадовского сложилась многолюдная, но тесно связанная <...> группа студентов разных курсов — члены фольклорного кружка и семинара». Однако круг их интересов и занятий не ог-

раничивался фольклористикой, причиной чему были, прежде всего, широкий междисциплинарный характер познаний и исследований учителя и таковое же понимание им объема и задач филолого-фольклористической науки и образования. «Чтобы сделать окончательный выбор (профессии. — Т.Б.), человек должен пройти много сфер <...> Азадовский, как и Маршак, был противником односторонности <...> и поощрял посещение студентами других семинаров». Добавим — не только филологических: когда на том же факультете в 1938 г. была открыта кафедра этнографии, Марк Константинович рекомендовал своим ученикам ходить на лекции Д.К. Зеленина и Е.Э. Бломквист, поскольку сам считал фольклористику наукой одновременно филологической и этнографической.

Фольклористическая ориентация Кирилла (и иже с ним) испытывала сильный искус со стороны литературоведения, представленного блестящей плеядой учителей старшего и молодого возраста: Г.А. Гуковским, Б.М. Эйхенбаумом, В.М. Жирмунским, В.А. Гофманом, Г.А. Бялым и др. «Литературоведом, хорошо знающим фольклор», называл себя и Азадовский. Студенты получали мощный аванс, оправдать который, по словам К.В. Чистова, было не просто; Г.А. Гуковский, например, лекциями которого они буквально упивались, поучал их в таком роде: «Филология — это пять университетских лет схимы, потом всю жизнь — монашество». И студенты старались изо всех сил: посещали лекции даже в свободное от занятий время, захлеб читали и обсуждали услышанное и прочитанное, спорили на домашних «конференциях». На втором курсе Кирилл написал две курсовые работы — по фольклористике и литературоведению, хотя от него требовалась только одна профильная работа. Тесная связь студентов-фольклористов с литературоведением была обусловлена и общим отношением к фольклору как «зародышу» литературы, поиски которого объединяли литературоведов-педагогов разных специальностей в некую «фольклорную ассоциацию», например, М.П. Алексеева, исследовавшего фольклорные истоки поэзии Байрона, И.И. Толстого, С.Я. Лурье и О.М. Фрейденберг, изучавших фольклоризм античной литературы. Этому направлению отдал дань и Кирилл, написав большую работу «А.П. Сумароков и фольклор» (ее часть была опубликована спустя много лет в Ученых записках Петрозаводского педагогического института за 1955 г.).

В педагогическую практику М.К. Азадовского входило и активное подключение учеников к деятельности возглавляемого им сектора фольклора Пушкинского Дома (ИРЛИ), состоявшего из созвездия уже тогда первых имен фольклористической науки: В.Я. Проппа, Н.П. Андреева, А.И. Никифорова, А.М. Астаховой,

Г.С. Виноградова, Е.В. Гиппиуса и др. Рядом с ними началась исследовательская и издательская стезя К.В. Чистова, с некоторыми из них у него впоследствии завязались дружеские связи, в которых с его стороны всегда присутствовало ученическое преклонение, особенно к А.М. Астаховой и В.Я. Проппу. Относительно последнего он прошел динамичный путь от студенческой предвзятости к его «Морфологии сказки» до глубочайшего осмысления научного подвига ученого и выдающейся роли его трудов в мировой фольклористике (и гуманитарии в целом). Незрелость студенческого отношения Кирилла Васильевича к автору «Морфологии сказки» объяснялась достаточно тенденциозной сдержанно-критической оценкой книги двух ведущих фольклористических школ того времени: так называемой «историко-генетической» (восходящей к школе В.Ф. Миллера и его учеников) и «Азадовского—бр. Соколовых», которую, разумеется, не могли не знать (и не разделять) студенты, читавшие книгу по рекомендации учителя. По воспоминаниям Д.А. Молдавского, учившегося на филфаке у М.К. Азадовского в конце 30—40 годов, семинар уже входил в программу, и на нем студенты, ничего не понимавшие в теории и методе В.Я. Проппа, «старательно развинчивали, складывали и вновь собирали из отдельных деталей русские, таджикские, немецкие, зулусские и прочие сказки». В предисловии к подготовленному К.В. Чистовым изданию рукописи В.Я. Проппа «Русская сказка» (1984 г.) он посвятил несколько строк сути и причинам непонимания «Морфологии сказки» в фольклористическо-литературоведческой среде 20—30-х годов XX в. «Говорили, что В.Я. Пропп изучение архитектуры как искусства подменяет инженерным трактатом о несущих балках конструкции или изучения человека как живого организма — рентгеновскими снимками или рассматриванием скелета. Мы, по характеру наших тогдашних интересов и представлений, не понимали сути задачи, поставленной В.Я. Проппом, и не способны были осознать, что и история архитектуры не может ограничить себя изучением украшений на фасаде зданий <...> как изучение целостного организма (невозможно) без остеологии. Такое противопоставление не только не точно, но и бессмысленно. Думаю, что кроме всего прочего это было перенесением в сферу фольклора некоторых привычных <...> и теоретически ошибочных литературоведческих представлений».

Первостепенную роль в обучении М.К. Азадовский придавал библиографии, в которой видел «корень» науки, и фольклорным экспедициям, без которых он не мыслил квалифицированного фольклориста-исследователя. Имея за плечами большой полевой стаж и опыт, он нередко говаривал ученикам: «Понять по-настоящему

фольклор может только собирать его»; «Собирателем и исследователем должны совпадать в одном лице». На заседаниях фольклорного семинара в основном слушались доклады о поездках прошедшего лета, переходившие в общую беседу с расспросами и обсуждениями. Об отношении Марка Константиновича к полевой работе говорит и тот факт, что он приходил на вокзал провожать экспедиционные отряды, что придавало отъезду торжественность, а экспедиции — значительность важного события. «Кажется, — напишет позже Кирилл Васильевич, — Азадовский стал окончательно считать меня своим учеником после первой экспедиции и первого доклада». С экспедициями началось «ученичество» К.В. Чистова у народных мастеров фольклора, благодаря которому он обрел нечто большее, чем ответ на первый возникший у него вопрос при знакомстве с ними в университете Маршака, сформулированный в «большом» Университете в качестве предмета исследования фольклориста-литературоведа: как из неэстетического/нехудожественного (быта) рождается эстетическое/художественное? Вхождение в народный быт, записи фольклора от замечательных его носителей, тесное общение с ними (особенно с пудожским знатоком и исполнителем былин И.Т. Фофановым, с которым он провел незабываемое лето 1939 г.) — стали отправной вехой пути Чистова-фольклориста и этнографа, исполняющего не только функцию собирателя, но и хранителя традиционной культуры, что, впрочем, неизбежно происходит со всеми, кто ощущает с ней кровную связь.

Надо сказать, что Кирилл Васильевич, как и его учитель, особому относится к «полевикам». Экспедиции обязательно входят в программу его аспирантов и соискателей — этнографов и фольклористов, он всегда поддерживает стремление сотрудников к собирательской работе (бывало, и помогал «выбить» у начальства деньги на поездку). В пору заведования К.В. Чистовым восточнославянским отделом Института этнографии под его научно-организационным руководством сотрудниками московского и ленинградского секторов были осуществлены крупномасштабные полевые обследования сельского и городского населения в европейских и сибирских регионах России, нашедшие отражение в сборниках, монографиях, атласе «Русские» (о начале этого рода деятельности Чистова см. далее). Рассказы об экспедициях он и сейчас слушает с удовольствием, а до недавнего времени старался не пропускать ни одного фольклорного концерта. Добавлю, что и я, поступив к нему в аспирантуру в 1962 г., прошла «пробу» на ученицу только после рассказа о результатах моей первой двухмесячной экспедиции в Поморье в 1963 г.

Обозревая круг ученых и масштаб знаний, полученных от них студентом Чистовым, убеждаешься в справедливости его слов о счастье, которое он обрел в своих учителях. Однако за этим признанием, свидетельствующим, к слову, о способности (увы, не столь частой в наши дни!) принять дар и быть благодарным за него, стоит и более широкий контекст: высокий уровень и тесная связь науки и образования того времени, создававшие максимально благоприятные условия для ученичества—учительства, в том числе, — а может быть, и прежде всего — в гуманитарии.

Обучение К.В. Чистова пришлось на период жизни филфака, который Д.С. Лихачев назвал «уникальным явлением в истории филологического образования в Европе» (эту мысль Кирилл Васильевич цитировал неоднократно). Ленинградская филология находилась на передовом крае российской гуманитарии, еще сохранявшей высочайшие достижения 20-х годов, — развитие наследия классической школы в сочетании с идейным и методико-теоретическим новаторством, во многом предвосхитившим открытия европейской науки. Разных ученых, в основном филологов (и деятелей искусства), таких, как В.Я. Пропп, М.М. Бахтин, В.М. Жирмунский, О.М. Фрейденберг, Л.С. Выготский и другие, объединяло также неформальное направление, к которому в наши дни возводится начало антропологического подхода в изучении истории культуры.

Повезло, как говорится, Кириллу Васильевичу и с выбором его профессии. «Занятия фольклором в те годы (середина 30-х годов. — Т.Б.) <...> стали весьма популярными. Не было журнала или газеты, которые не публиковали бы из номера в номер фольклорные материалы. <...> Областные и центральные издательства издавали фольклорные сборники десятками <...> В целом это был период бурного развития фольклористики, ее “серебряный век”, если “золотым веком” считать время взлета фольклористики в середине XIX в. и в начале его второй половинь». (Вместе с тем это было и время разгула фальсификаций так называемого «советского фольклора».) На этом фоне в лице Марка Константиновича Азадовского Кирилл Чистов встретил большого ученого и Учителя, что называется, «милостью Божией», в чем можно удостовериться не только с его слов. В 1996 г. в Иркутске опубликован сборник мемуаров учеников Азадовского и близких ему людей, включая К.В. Чистова («Воспоминания о М.К. Азадовском»), с показательными названиями: «Жизнь и труды моего учителя» (В.С. Бахтин), «Наставник» (В.А. Ковалев), «Всегда живет в моем сознании и сердце» (В.П. Трушкин), «Человек большого сердца» (Е.В. Баранникова), «Учитель» (И.П. Лупанова), «Незабываемый учитель» (Д.Б. Кацнельсон).

Азадовский не только «творил учеников» (по выражению К.В. Чистова), но и сам учился у них — их молодой энергии, задору, творческому воображению. Такая способность свойственна людям с молодой душой, о чем также говорит и легкий, веселый нрав Азадовского. Кирилл Васильевич вспоминает: «<...> он и в лекции, и в разговоры со студентами вносил всегда атмосферу легкости, бодрости, естественного веселья, какой бы серьезный вопрос ни обсуждался. Он любил говорить: “Скучные люди не должны заниматься наукой”». По воспоминаниям всех учеников Марка Константиновича, он был строгим и требовательным учителем, ориентируя на «длительные дистанции» тех студентов, которые, по его мнению, были способны к ним. В качестве примера он приводил себя. Из воспоминаний В.А. Ковалева: «Мне бы бегать на короткие дистанции. Я спринтер. Но обстоятельства складываются так, что приходится бегать на длинные. И тогда я подбадриваю себя стихами из Мицкевича: “Не по силам цели выбирай, / А по цели силы напрягай”». (Это любимое двестишестидесяти Азадовского приводит и К.В. Чистов.) М.К. Азадовский обладал редким даром, выявляя интересы учеников и направляя их работу, приучать к самостоятельному исследовательскому поиску. Одна из его учениц (Л.В. Черных) приводит шутовское объяснение Азадовским своего педагогического метода: окунуть (студента) с головой в воду и оттолкнуть от берега, если он вынырнет — пусть плывет, а коли утонет — туда ему и дорога. Всех «выплывших» он равно считал своими учениками, хотя и разделял их по двум степеням: на собирателей (эмпириков, нарраторов) и исследователей; вторых он предпочитал более.

Талантливая молодежь периода ученичества К.В. Чистова, по признанию Азадовского, буквально возродила его, стала «целительным бальзамом» от удушливого воздействия коснеющего руководства академической и университетской науки второй половины 30-х годов, становящейся все более официозной, марксистко-ленинской, не допускавшей никаких отклонений. О признании М.К. Азадовского К.В. Чистов узнал гораздо позже и был заново поражен масштабу его личности: «Как настоящий учитель, Марк Константинович не только много давал нам, он видел в своих учениках источник своей силы, веры в науку, возможность осуществления новых замыслов, открытия новой перспективы науки». Особые надежды возлагал Азадовский на учеников «с будущим», среди которых он в письмах военного времени к разным людям неоднократно выделял Кирилла Чистова, называя его «блестящим и первоклассным исследователем», что в представлении учителя неразрывно связывалось с междисциплинарностью или, как он го-

ворил, с «большим багажом фольклористических, историко-литературных и этнографических знаний».

Предвидение Азадовского, как мы видим, сбылось, и в этом был «виноват» не только непосредственный учитель К.В. Чистова, а все, у кого ему посчастливилось обучаться: недаром в своем высказывании, вынесенном мною в заголовок этого раздела, он говорит о многих учителях. Правда, напомним и здесь Марк Константинович сыграл большую роль: он постоянно сводил своих учеников с разными специалистами, способными обогатить их знаниями. Да и самая система филфаковского обучения в виде спецсеминаров группировала студентов вокруг разных преподавателей. Об их вкладе в формирование молодого ученого можно судить как по научному потенциалу и уважению к ученым авторитетам, так и по учительской манере К.В. Чистова зрелых лет. Мало кто в наше время относится к разным точкам зрения, подходам, замыслам и научным трактатам, включая и совсем незрелые, с таким доброжелательством, интересом, уважением и проникновенностью в суть, как он. На моей памяти к нему приходили за советом о выборе темы, просьбами прочитать работу, стать редактором монографии или просто о поддержке в сложной ситуации сотрудники разных институтских отделов, других научных и музейных учреждений; приезжали и издалека. Будучи главным редактором журнала «Советская этнография», он, несмотря на чрезвычайную занятость, находил время прочитать спорные статьи, отвергнутые его редакционными коллегами по разным причинам, в том числе и цензурным, чтобы самому убедиться в правильности их действий или найти возможность преодолеть «цензуру». Кирилл Васильевич никогда не подавляет меньших «братьев» своим превосходством, не навязывает своего понимания проблемы (хотя и высказывает его); нередко он заряжается чужими идеями и темами, находящими отклик в его трудах.

Одной из сильных сторон Чистова-ученого и учителя является, я бы сказала, верность ученичеству, которая выражается хотя бы в том, что он умеет, не боясь «уронить достоинства», прислушиваться к замечаниям в адрес собственных работ, иногда даже требует их, буквально подкладывая свои статьи для прочтения не только маститым ученым, но и молодым ученикам. Думаю, что и в этом сказывается воспитательное наставничество Азадовского. Известно, что отличительной чертой его семинара по фольклору был разновозрастный состав участников, вследствие чего младшие и старшие члены (вплоть до аспирантов), имея в нем свои права и обязанности, образовывали единую научную «семью». Некоторых учеников Марк Константинович привлекал к редактированию его собственных ра-

бот (об этом, в частности, писал Д.М. Молдавский), тем самым приобщая их к серьезной науке и воспитывая в них ответственность за свой труд. Вспоминаю, как на первом (или втором) году моего аспирантского обучения Кирилл Васильевич засадил меня за выверку корректуры его монографии «Русские социально-утопические легенды», готовящейся к защите им докторской диссертации, и был доволен, когда я накопила в ней множество опечаток, описок и т.п. И другой, более поздний, но показательный случай его умения оценить качество труда: назначив меня — младшего научного сотрудника — издательским редактором сборника «Русский народный свадебный обряд», он в результате признал проделанную мною работу за научно-редакторскую и поставил мою фамилию рядом со своей. С той поры мы стали вместе издавать сборники «Русский Север».

При всей исключительности — элитарности — образования, которое получил Кирилл Васильевич, самое отношение к нему имело черты, общие для студенческой среды и обусловленные изменениями в социальной стратификации, происходившими во второй половине 20—30-х годов. Предоставляю слово К.В. Чистову: «Многим, если не большинству, предстояло стать интеллигенцией в первом поколении (внесу некоторую поправку: в первых поколениях. — Т.Б.). Родители не получили образования не потому, что не хотели, а потому, что не могли учиться. Поэтому и они, и их дети всячески стремились получить образование. Сын или дочь с дипломом о высшем образовании были гордостью семьи, родственников, всей деревни. Сами же студенты очень определенно знали, что им надо и хочется учиться, ими владела, если можно так выразиться, “плебейская ярость”, “плебейское упорство”, жажда знаний. Это задавало тон всему студенчеству — учились напряженно и в охотку».

Как представитель одного из первых поколений интеллигенции, «в поте лица» получивший образование из рук первоклассных мастеров еще живой научной традиции, Кирилл Васильевич унаследовал и ее этические нормы, последовательно держась своего научного кредо, часто воспринимаемого сторонниками морального плюрализма как анахронизм или «частное мнение». Кредо состоит в следующем: профессионализм, трудолюбие и самостоятельность являются, выражаясь фигурально, «тремя китами», на которых держится наука; они же составляют и ее этический стержень. По другую сторону находятся дилетантство, методико-теоретические спекуляции, по выражению Кирилла Васильевича, «околонаучный ширпотреб», и лень, которые он относит к категории безнравственного в науке.

*«Здесь я обрел моих первых учеников,
и здесь определились те проблемы, которыми я занят и поныне»*

После четырехлетней фронтовой службы (К.В. Чистов ушел добровольцем в студенческий батальон, был в плену, бежал в партизанское соединение и закончил войну в регулярных войсках) он возвращается к своему фольклорно-филологическому поприщу и в 1946 г. поступает в очную аспирантуру к своему учителю. Однако на следующий год начинается его самостоятельный научный путь: он назначается заведующим Отделом литературы и народного творчества в только что созданном Карельском филиале АН СССР в Петрозаводске; учеба у Азадовского продолжается в заочной аспирантуре.

Отдел сформировался из молодежи, перед которой встали задачи созидания и организации научной деятельности как бы «с нуля»: «Мы вместе искали новые пути, новые методы и новые темы». В свете сказанного выше о «привилегированности» и размахе фольклористических изысканий в середине 30-х годов необходимость поиска молодым фольклорно-литературным коллективом научного базиса и сферы своей деятельности может показаться странной, если не вспомнить, что к этому времени ситуация была уже иной. За десятилетие с конца 30-х по конец 40-х годов, вследствие усиления тоталитаризма и насилия в советской науке произошли кардинальные перемены: были репрессированы многие ученые, и научные отрасли, теории и методологии подстраивались под марксистско-ленинскую идеологию, а проблемно-тематический горизонт был сужен до потребностей режима. «Культ личности» создал труднейшие условия, в которых приходилось трудиться ученым, в том числе и учителям Кирилла Васильевича — Б.М. Эйхенбауму, Г.А. Гуковскому, М.К. Азадовскому и др. Всем им инкриминировались «раболепие перед заграницей» (космополитизм), компаративность (т.е. реакционность, с точки зрения советской идеологии) метода, «отрицание» самостоятельности русской культуры и проч. Азадовского повергли публичным осуждениям, уволили из Пушкинского Дома и университета (в виде «ухода» на пенсию), кафедру фольклора закрыли. Надо сказать, что в подобных «преступлениях» обвинялся в Петрозаводске и К.В. Чистов, что могло для него плохо закончиться. На собрании городской интеллигенции он был объявлен в списке космополитов, и рассмотрение его дела состоялось на открытом партийном собрании в филиале АН СССР, где в качестве «адвоката» К.В. Чистова выступил приглашенный в Петрозаводск В.Я. Пропп, доказавший, что Чистов не космополит. Однако в это же время за «космополитизм» был арестован замечательный литературовед и старший друг Кирилла Васильевича Е.М. Мелетинский: Чистова

допрашивали как свидетеля, постоянно напоминая ему, что пребывание в плену — достаточный повод для его ареста (Мелетинский отбыл 6 лет в лагерях).

Однако многообразный вклад М.К. Азадовского в развитие фольклористической науки — разработка концепции русской фольклористики, ее методико-теоретических основ, создание фольклористической школы и творческой атмосферы в жизни научных и образовательных учреждений — «закрыть» было уже невозможно. К.В. Чистов, как последовательный ученик Азадовского, ставит первыми пунктами научной программы своего отдела задачи, с которых начиналась (и, по существу, не прекращалась) педагогическая система его учителя: заполнение «белых пятен» в географии собирания фольклора, его публикация и исследования. Такая комплексность, являющаяся в наши дни «делом обычным», впервые была задана именно М.К. Азадовским; до него собирание и изучение фольклора шло по двум параллельным линиям, причем, как это ни парадоксально, собиратели, занимавшиеся исследованиями, практически не использовали собственный экспедиционный материал. Слив оба направления, Азадовский, по выражению Б.Н. Путилова, осуществил задачу «подлинно исторического значения. <...> Он превратил полевую работу в часть работы исследовательской, придав ей целенаправленность, программность и наполнив теоретическим смыслом» (статья в упомянутом сборнике «Воспоминания о М.К. Азадовском»).

В 50-х годах сотрудники отдела под руководством К.В. Чистова и Э.В. Померанцевой производят систематическое фольклорное обследование русского населения Карелии в районах Прионежья и Беломорья. Собранный материал публикуется в виде сборников, на его основе пишутся статьи и монографии в течение последующих двух десятилетий («Терские сказки», «Свадебные песни Терского берега», «Русские сказки Карельского Поморья», «Беломорские песни», «Сказки Заонежья»). Одновременно собирается и исследуется карельский фольклор: под руководством К.В. Чистова В.Я. Евсеевым были изданы «Карельские эпические песни», У.С. Коннка — двухтомник карельских сказок и др. Сам руководитель отдела публикует несколько десятков статей и книг: сборник избранных русских сказок Карелии, «Очерки литературы Карелии» (в соавторстве с Л.А. Виролайнен), брошюру о Калевале и т.д.

В петрозаводский период, как констатирует К.В. Чистов, закладывается фундамент его педагогической школы и научной деятельности: наряду с заведованием отделом он преподает в Педагогическом университете древнерусскую литературу, литературу XVIII в. и фольклор, определяет (осмысляет, находит) для себя основные на-

правления и их проблемно-тематический горизонт, которые, по его собственному признанию, останутся с ним на всю жизнь. О них мы достаточно хорошо знаем и по трудам Кирилла Васильевича, и по их оценке в многочисленных рецензиях, ссылках, отзывах, работах его учеников, а также в юбилейных статьях и речах. Я бы хотела подчеркнуть динамичный характер избранного Чистовым круга изысканий, во многом «спровоцированного» позитивистской школой Азадовского, но исполненного Чистовым гораздо шире и глубже благодаря его таланту и междисциплинарности профессии — фольклорист, филолог, этнограф, историк, литературовед (см. библиографию его трудов в серии «Библиография ученых России». М., 1995. 83 с. Список все время пополняется).

Так, начав изучение причитаний с творчества И.А. Федосовой, на которое его ориентировал Азадовский, Кирилл Васильевич прошел путь от социально-исторического и социально-психологического аспекта исполнительства до крупного обобщения и анализа роли причитаний в сохранении и развитии религиозно-бытового синтеза народных форм культуры — статья в сборнике «Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым» (СПб., 1997. Т. I—II). Сам сборник венчают также более чем полувековые текстологические исследования Чистова-филолога, в данном случае совершенные им вместе с женой Б.Е. Чистовой. Занятия «массовой словесной деятельностью» — жанрами/видами архаического и современного фольклора (предания, легенды, устные рассказы и т.п.), — также весьма поддерживавшиеся Азадовским, привели к изучению проблем формирования коллективных социально-психологических стереотипов, их мифологизации и исторических корней. Это направление получило воплощение в самом грандиозном по отдаче (откликам) в научной (и не только!) среде историко-фольклорно-этнографическом исследовании о русских социально-утопических легендах (1967 г.), продолжение которого — в ракурсе новых аспектов и проблем — К.В. Чистов готовит к публикации в настоящее время.

С 1954 г. К.В. Чистов становится постоянным участником германо-русских проектов в качестве члена Международного общества фольклористов (в 1974—1989 гг. — его вице-президент по Европе), что является реализацией заложенной в нем с детства тяги к немецкой культуре. Ее осуществлению на столь высоком уровне немало способствовали как постоянное совершенствование немецкого языка, пригодившегося также при научных изысканиях в области финской и карельской культуры, активно развивавшихся с послевоенных лет, так и общие филологические (и этнографические) интересы с женой Беллой Ефимовной, в совершенстве владевшей немецким языком и занимавшейся историей русско-немецких литера-

турных связей. Они вместе участвовали в ежегодных конференциях «Немцы в Петербурге», совершали поездки в Германию с литературоведческими и фольклорно-этнографическими целями, а в 1992 г. начали работу над проектом «Письма остарбайтеров. 1942—1944». В 1998 г. были опубликованы немецкий и русский варианты книги с их презентацией во Фрайбурге и Санкт-Петербурге. В том же 1998 г. вышла на немецком языке книга К.В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.».

4 мая 2000 г. в консульстве ФРГ в Петербурге состоялось награждение К.В. Чистова за большой вклад в развитие германо-российских культурных связей орденом ФРГ «Крест за заслуги» на ленте. В ответном слове Кирилл Васильевич сказал, что считает награду общей со своей незабвенной женой — помощником, соратником и соавтором.

В отличие от М.К. Азадовского К.В. Чистов не стал университетским учителем в полном значении этого статуса, хотя много лет читал курсы по фольклору на филфаке и истфаке Ленинградского университета (к сожалению, в советское время ему не предлагали чтение лекций по этнографии). Его учительство проявилось в научном руководстве аспирантами и соискателями, консультантстве докторских диссертаций, редактировании статей и первых монографий молодых ученых, создании благоприятной научной атмосферы в любом коллективе и умении поддерживать творческое и работоспособное состояние сотрудников. Профессиональные результаты его учительства весьма внушительны: среди «выпущенных» им 5 докторов наук и около 30 кандидатов есть представители разных гуманитарных областей — филологи, фольклористы, этнографы, социологи.

Осмысление «секрета» учительской школы К.В. Чистова должно состояться усилиями тех, кто считает себя его учениками. Со своей стороны могу сказать, что мне посчастливилось встретить в лице Кирилла Васильевича первого и практически единственного настоящего Учителя, которому я обязана свободой творчества и реализацией всех замыслов и начинаний.

Материалы и публикации, использованные в статье:

1. Письмо К.В. Чистова Хакамиес Пека (кафедра фольклора Университета Хельсинки) со сведениями о себе и своей научной деятельности в качестве материала для доклада на семинаре проф. М. Кууси, 1975 г.

2. *Чистов К.В.* Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980.

3. Из писем М.К. Азадовского (1941—1954): Публикация Л.В. Азадовской // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. (№ 90. Письмо К.В. Чистову. 1942 г.; № 117. Письмо В.Ю. Крупянской. 1946 г.)

4. Фундамент научной биографии: Интервью корр. Н. Александровой у К.В. Чистова // Газета «Ленинградский университет». 1982. 24 декабря.
5. Чистов К.В. В.Я. Пропп — исследователь сказки // Пропп В.Я. Русская сказка / Отв. ред. К.В. Чистов, В.И. Еремина. Л., 1984. С. 3—22.
6. Иванов Вяч.Вс. Культурная антропология и история культуры // Одиссей: Исследования по социальной истории и истории культуры. 1989. М., 1989. С. 13.
7. Письмо К.В. Чистова Е. Уорнер для «International Folklore Revue». 3/XI. 1994 г.
8. Чистов К.В. Воспоминания о П.И. Рябинине-Андрееве // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения '95»: Сб. докл. Петрозаводск, 1997. С. 51—52.
9. Чистов К.В. Из воспоминаний о М.К. Азадовском // Воспоминания о М.К. Азадовском / Составл., предисл., примеч. И.З. Ярневского. Иркутск, 1996. С. 59—78; а также статьи других авторов.